Как Ульрих Хансен попал в лес и кто в него стрелял?

Этот вопрос повторяла себе Герда, с лихорадочным волнением прислушиваясь к бреду больного.

Знала ли бедная мать, что ее сын находится здесь, в домике садовника?

Это невозможно представить, ведь Ульрих Хансен не был знаком ни с Дорой, ни с ее мужем.

Герда рассказала старушке о больном и попросила послать кого-нибудь с известием к лесничей.

— Конечно, она была жестока и несправедлива ко мне и не заслуживает того, чтобы я ее утешала, — глухо сказала она себе, — но она мать Ульриха, и только переживания за сына сделали ее такой равнодушной и озлобленной.

Держа в руке пылающую руку больного, Герда не замечала, что вошедший позади нее Альтендорф наблюдает за ней.

Больной стал беспокойно метаться по кровати. Вдруг из его уст вырвалось

— Боже мой, Боже мой, неужели никто не скажет мне, что случилось с Гердой? Неужели эта дьяволица убила ее? Боже милосердный! Помогите мне найти бедную девочку!

Герда, заливаясь слезами, наклонилась к нему и сказала:

— Не бойся, Ульрих, я здесь ради тебя! Бог по своей милости избавил меня от большой опасности!

Больной успокоился — ему показалось, что он слышит ее тихий голос, и это подействовало на него умиротворяюще.

В комнату вошла старая Дора, которая по просьбе Герды отправила посыльного к матери Ульриха. Герда кивнула ей и тихо прошептала:

— Никому не говорите, что я была у вас; никому не говорите, что видели меня, моя дорогая Дора, иначе я сомневаюсь что долго буду жива! И если вы хотите оказать мне еще одну услугу, постарайтесь разузнать в замке, не знает ли кто, что случилось с моими Гарольдом. Может быть, моё дитя уже давно умерло, а я даже не знаю, где покоится его труп?

Слезы молодой несчастной матери растрогали старую Дору.

Простодушная женщина не нашла слов утешения для отчаявшейся Герды, она только гладила ее светлые волосы толстой натруженной рукой.

О, если бы она могла хоть чем-то помочь счастью Герды!

К ней подошел Альтендорф, он был взволнован, и ему было очень больно смотреть на Герду. Он обратился к ней с ласковой просьбой:

— Успокойтесь, графиня, есть милостивый Бог, который все знает и все видит, он защитит вас и ваше дитя! И всё, что будет в моих силах, я сделаю, чтобы найти его.

Герда перестала плакать.

— Вы так добры ко мне! — прошептала она с благодарностью. — Я и сама не знаю, как мне благодарить вас.

Она не заметила, как загорелись глаза Альтендорфа. Выражение страстной нежности прилило к его устам. Он с трудом сдерживал себя.

Но он не хотел, чтобы она догадалась о его пламенных чувствах. Он знал одно… эта милая, добрая женщина должна быть его, даже если ради нее ему придется пожертвовать всем, что у него есть.

Ульрих Хансен снова громко заговорил:

— Это она, эта дьяволица, заставила меня идти через лес, это она послала за мной убийцу. И чтобы никто не узнал, что несчастная слепая графиня еще жива… Да покарает Божий гнев эту злую женщину!

Герда попятилась в сторону и в немом волнении сжала руки в кулаки.

На Уолли было столько грехов, что ее не останавливало никакое преступление, лишь бы сохранить то положение, которое она получила обманом, ложью и вероломством.

Поэтому она решила лишить жизни и несчастного Ульриха, чтобы избавиться от свидетеля ее преступных деяний. Почему Бог допускает столько преступлений? Не переполнилась ли чаша вины этой грешницы?

Старая Дора подняла голову, прислушиваясь.

— Приехала карета! Кто это может быть? Я сейчас посмотрю!

Она выбежала в коридор и тут же вернулась.

— Это графиня! Ради Бога! Что сейчас будет?

Не успела она вымолвить это слово, как уже раздался громкий стук в дверь, и кто-то вошел в прихожую, не дожидаясь приглашения.

Вздрогнув, старая Дора прошла туда и быстро закрыла за собой дверь спальни.

— Ваш сын дома? — С графом случилось несчастье на охоте, и он лежит в домике леснике, тяжело раненный. Ваш сын вместе с моими людьми должен привезти его сюда.

— Нет, графиня, мой сын уехал в деревню. — тихо ответила Дора.

Уолли заметила беспокойство старухи и проницательно посмотрела на нее.

— Что с тобой, Дора? — спросила она. — Ты больна?

— О, нет! — быстро ответила старушка. — Нет… Я вполне здорова…

В этот момент из соседней комнаты раздался голос Ульриха, который кричал:

— Герда, где ты?

Уолли побледнела, как и старушка.

— Что это? — воскликнула Уолли. — Чей это голос? Откуда он?

Дора ответила не сразу. Прошло немало времени, прежде чем она смогла произнести хоть слово:

— У нас там больной, его сын нашел в лесу еле живым.

— В… в лесу?

Уолли посмотрела на старуху широко раскрытыми глазами, словно перед ней предстал призрак.

— Я хочу узнать, кто там? — задыхаясь, воскликнула она и тут же бросилась к двери. Но Дора с испуганным возгласом преградила ей дорогу.

— Нет, нет, — громко позвала она. — Не ходите туда, леди… Я.. Я… — Больше она ничего не успела сказать. Уолли сердито оттолкнула ее в сторону.

— Что это значит? — взволнованно крикнула она. — Кого это ты там прячешь? А ну, прочь с дороги!

И прежде чем Дора успела помешать, Уолли уже толкнула дверь и шагнула внутрь.

— Святый Боже! — простонала старуха, — помоги бедной слепой графине!

Дора с опаской проскользнула за Уолли в комнату, и она не могла поверить свои глазам: Герда и ее спутник бесследно исчезли!

Бросив взгляд на распахнутое окно, она поняла, каким образом они скрылись, и с сердца Доры свалился камень.

— Слава богу! — тихо прошептала она.

Уолли не обратила на нее внимания, она смотрела на больного, лежавшего в углу комнаты, к которому она теперь подошла.

Как только она взглянула на него, она дернулась, как от удара молнии, и из ее груди вырвался стон.

— Он жив, — прошептала она с перекошенным от ярости лицом. — Он не умер!

Словно подкошенная, она опустилась в кресло и с ужасом уставилась на больного.

Почему на неё сейчас сыпались один за другим удары? Ребенка больше нет! Все ее усилия обернулись крахом. Сначала воскресла та, которую она считала мертвой, а потом, будучи брошенной в пламя, выжила! А теперь вот тот, что здесь, снова ожил и рано или поздно предстанет в роли ее обвинителя!

Вероятно, и графу удастся избежать смерти: кругом, куда бы она ни бросила взгляд, таилась какая-то угроза. Даже Курт, ее помощник, приставлял к ее груди револьвер и принуждал ее подчиниться.

Когда Уолли наконец встала, на лбу Уолли выступили бисеринки холодного пота. В голове возникли недобрые мысли.

Повернувшись к старой Доре, которая все еще стояла, словно прикованная, она властным тоном приказала:

— Мне не нравится, что вы принимаете посторонних без всякого нашего разрешения. Как только граф немного придет в себя, я поговорю с ним, чтобы он прогнал вашего сына! Я не потерплю такой скрытности у себя дома! Скажите это своему сыну; пусть он заранее подыщет себе другое место!

Дора не могла вымолвить и слова. Слезы хлынули из ее глаз, она утерла глаза морщинистой рукой, а Уолли ушла, даже не удостоив ее взглядом.

Со стоном опустилась старуха на стул и громко простонала:

— Я должна покинуть этот дом, в котором провела более тридцати лет, о, если бы только знал об этом мой дядя, который, умирая, не сомневался, что оставил меня здесь на всю жизнь, потому что его сын унаследовал его должность егеря! О, что скажет мой мальчик, когда узнает об этом!

Примерно через два часа в дверь снова постучали, и когда Дора открыла ее, перед ней предстала пожилая женщина.

"Правда ли, что мой Ульрих жив, что он находится здесь, у вас?" — задыхаясь, спросила она, проходя мимо женщины в комнату. "Отведите меня к нему!

Дора, которая теперь поняла, кто она такая, молча указала в строну комнаты, и госпожа Хансен тут же поспешила туда. Как только она быстро, но бесшумно подошла к постели Ульриха —

увидела, что ее сын, которого она считала уже мертвым, лежит перед ней, она с ликующим возгласом опустилась на колени рядом с ним.

— Хвала небесам! — заикаясь от счастья, произнесла она. — Наконец-то, наконец-то ты снова со мной, мое единственное счастье!

С переполнявшей ее нежностью она обняла его и прижалась к нему заплаканный лицом.

Больной снова начал беспокойно ворочаться и застонал:

— Герда! Герда!

Словно ужаленная тарантулом, госпожа Хансен воскликнула, и из ее уст вырвалось.

"Эта женщина стала проклятием всей твоей жизни; она виновата во всех наших несчастьях! Ты должен забыть ее — и я побеспокоюсь об этом!

Но больной находившийся в состоянии лихорадки мужчина не понял ее слов; тихо застонав, он отвернулся в сторону.

Фрау Хаусен, будто раздумывая вслух, вдруг схватилась за лоб и, снова повернувшись к Доре, сказала:

— Я привела с собой двух человек с носилками, они помогут сыну! Я благодарю вас за все, что вы для него сделали. То, что ваш сын спас ему жизнь, я никогда не забуду! Если вам или ему когда-нибудь понадобится помощь, обращайтесь ко мне; моя благодарность к вам во веки

веков!

При этом она сунула в руку старой Доре банкноту и, не переставая шептать слова благодарности, позвала тех, кто должен был забрать Ульриха.

***

Где же находилась тем временем Герда?

Как правильно предположила старуха, вместе с бароном она покинула комнату через окно, чтобы не попасться снова в руки своего смертельного врага. Альтендорфу удалось незаметно вывезти ее из окрестностей замка Штайнах.

Поезжайте пока ко мне в Финкенштейн, — уговаривал он ее, — там вы будете в безопасности от врагов, а пока вы будете поправляться, я разыщу вашего ребенка".

Как заманчиво звучало такое предложение! И стоит ли удивляться, что она без раздумий согласилась?

Конечно, она не подозревала о потаенных мотивах барона, не замечала, какими пылкими глазами он смотрит на нее! Если бы она догадалась, что побудило его сделать такое предложение, она бы ни за что не переступила порог его дома.

Поэтому она последовала за ним в соседнюю деревню, где они пересели на поезд, который через несколько часов привез их к месту назначения.

Барон с тихой радостью следил за тем, как Герда начала жить в замке Финкенштейн. А присланный им в замок врач-офтальмолог заявил, что она вполне может восстановить зрение, нужно только набраться терпения.

Бесконечная благодарность барону переполняла сердце молодой женщины.

Наконец-то она рассказала ему без лишних вопросов, кто она такая и что ей пришлось пережить в замке Штайнах из-за бесстыдства кузины.

Видя на глазах графини слезы, он нежно взял ее за руку.

— Успокойтесь, графиня; все, что будет в моих силах, я сделаю, чтобы помочь вам восстановить справедливость и вывести на чистую воду совершивших против вас преступлений. Я бы достал для вас звезду с неба, если бы только это могло сделать бы вас счастливой! О, графиня, вы не знаете, как безмерно я вас люблю! Мужчина, чье имя вы теперь носите, никогда не был достоин вашей любви, поскольку он не предал бы вас! Вы теперь беспомощны и брошены на произвол судьбы — вы остались совсем одна... Позвольте мне стать вашим защитником! Я помогу вам расторгнуть ваш брак с графом, который, по сути, уже и не ваш муж, и тогда — станьте моей женой! Я буду носить вас на руках и не успокоюсь, пока не отыщу вашего ребенка!

Его речи лились на нее как потоки, и он почти не заметил, когда она в страхе подняла обе руки, защищаясь.

— Подождите, барон! — закричала она умоляющим тоном. — О, как пугают меня ваши слова! Вы говорите о новом счастье, когда мое сердце еще кровоточит от горя? Подумайте, что я

пережила, и не говорите о любви к слепой, несчастной матери!

— Не отвергайте меня, — дрожал он, — вы не знаете, насколько вы можете сделать меня несчастным. Когда я впервые увидел ваше дорогое лицо в тот роковой вечер, который принес мне столько счастья, мне показалось, что солнце моей жизни, которое, как я полагал, исчезло навсегда, засияло вновь. Да, Графиня, я хочу признаться вам в этом — до сих пор я молчал, но хочу открыть вам свое сердце.

Он снова поднялся и, тяжело дыша, прислонился к колонне. Он тихо продолжил:

— У меня когда-то были поместья в Шотландии. Мимолетное знакомство с молодой немкой переросло в интимную связь, и в конце концов я женился на ней, поверив в ее любовь. Однако слишком скоро я прозрел, скоро понял, что дал свое имя легкомысленной, совершенно развращенной особе.

Среди моих подчиненных был управляющий немец. Однажды, вернувшись домой в непривычный час, я застал их обоих в объятиях этой негодяйки — Уолли.

— Кого? — вскочила Герда с громким криком. На ее бледном лице отразилось безмерное удивление.

— Какое вы назвали имя? — пролепетала она. — Но нет... нет..., — продолжала она.

Альтендорф тоже встал. Его лицо побелело, как мел черты лица безумно исказились.

— Вы догадались? — усмехнулся он с острой горечью. — Ну что ж, я признаюсь — да! Уолли, ваш смертельный враг, нынешняя госпожа Штайнах, и жена графа — она прежде была моей женой, она стала проклятием всей моей жизни!

С приглушенным стоном Герда опустилась в кресло. Хотя она слышала каждое слово, она все еще не могла осмыслить услышанное.

"Уолли? Уолли — ваша жена? — повторяла она.

Альтендорф отвернулся и несколько раз прошелся по комнате взад-вперед, чтобы успокоиться, так как при мысли о неверной женщине ненависть к ней разгоралась в нем ярким пламенем.

— Жалкая, ничтожная тварь, — повторил он, остановившись перед Гердой, — не заслужившая и одного взгляда.

Далее барон рассказал Герде, что до сих пор не знал о судьбе Уолли и что увидел ее только сегодня, когда та приехала в дом лесника.

Обнаружив ее неверность, я тут же выгнал ее и ее кавалера из своего дома, — продолжал он. "Они ушли, но лишь после того, как к предыдущему преступлению добавилось новое. Они украли у меня солидную сумму денег, а затем внезапно исчезли из виду. Все попытки разыскать воров оказались безуспешными.

В тот час во мне угасла всякая радость жизни, исчезла вера в человечность. Я решил не страдать больше в своих поместьях. Я продал все и пытался отвлечься в дальних путешествиях. Я вновь обрел душевный покой, но ненависть к людям осталась. В последнее время я в одиночестве удалился в этот замок. Избегая любого общения, я почти не знаю, что творится за воротами моего замка. И тут, -— мужчина выпрямился и с надеждой посмотрел на прекрасную

женщину, сидевшую напротив него, я встретил вас! — Что-то странное — я не знал, что со мной происходит — происходило внутри меня, что-то чуждое, против чего я тщетно боролся, овладело мной, ненависть к человечеству ушла, вернулась радость жизни, и… и теперь я знаю, что поселилось во мне — это любовь, поздняя любовь, но при этом великая любовь, стремление к вам, и только к вам.

Я не могу жить без вас! Даже если ваше сердце еще не может ответить на мою горячую любовь — я буду терпеливо ждать, когда оно раскроется передо мной! Требуйте от меня всего — только не уходите от меня, а дайте мне право заступиться за вас перед вашими врагами!

Беспомощная, дрожащая всем телом, Герда сидела и молча сжимала руки.

Сейчас она почти боялась его и не знала, что ему сказать.

— Ах, если бы вы меня никогда не встречали! — тихо молвила она. — Это просто беда, что я попалась вам на пути! Кем я могу быть для вас, жалкое, слепое создание? Вы не вправе требовать от меня невозможного! Я не могу чувствовать к вам ничего, кроме дружеских чувств, и потому прошу вас… Оставьте мысль о союзе меж нами, с той, с кем никогда вы не будете счастливы — потому что я не люблю вас!

Голова Альтендорфа тяжело опустилась на грудь. Все в нем боролось с желанием отказаться от нее.

Голова Альтендорфа тяжело опустилась на грудь. Все в нем противилось тому, чтобы отказаться от нее. И пока его горячий взгляд охватывал ее прекрасное лицо, он в отчаянии стонал:

— Нет, я не отпущу вас! Вы должни стать моей женой! Я не успокоюсь, пока не завоюю вас! Ваш отказ не остановит меня, ибо я надеюсь, что моя страстная любовь в конце концов коснется вашего сердца!

Он снова выпрямился и устремил перед собой задумчивый взгляд. Поэтому он не заметил ни тихой муки в чертах лица Герды, ни слез, катившихся по ее щекам. О, зачем ей понадобилось причинять столько душевной боли обоим любимым людям — Ульриху Хансену и теперь ему, барону?!

Охваченный какой-то мыслью, Альтендорф вдруг вскочил, и лицо его залил лучезарный свет.

— Ах, наконец-то понял, что делать! Да, это откроет дорогу к вашему сердцу! Я оставляю вас, и поверьте, я вернусь к вам с радостной вестью!

Не успела она сообразить, что происходит, как он схватил ее за руку.

— Прощайте, графиня! В любви все возможно. Я еще покорю вас, несмотря ни на что! Прощайте!

Барон стремительно бросился прочь. Герда испуганно смотрела ему вслед. Что он собирается делать?

— Нет, нет, — заикаясь, дрожала она, — мое израненное сердце никогда больше не сможет любить! О, как я боюсь страсти этого человека!

Дрожа, она поднялась на ноги; здесь она больше не могла оставаться! Она должна была

уходить — но куда? Повсюду таилась опасность, а единственный, кто мог ее защитить, — Ульрих Хансен — тяжело болен.

Мучительная душевная тоска не давала ей покоя. Она на ощупь прошла через комнату и поспешила к двери, из ее уст сорвались рыдания:

— Отец Небесный, помоги мне! Укажи мне правильный выход!

http://tl.rulate.ru/book/92712/3109216